

УДК 82-2

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-205-211

ПОЭМА А. ХИЛЛА «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА» И РАЗВИТИЕ ПЕТРОВСКОГО МИФА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

© Олег Поляков

THE POEM “THE NORTHERN STAR” BY A. HILL AND THE DEVELOPMENT OF THE PETRINE MYTH IN ENGLISH LITERATURE OF THE 1700S-1720S

Oleg Polyakov

The paper analyses the main features of Peter I’s image representation in the poem “The Northern Star” (1718) by Aaron Hill, a prominent English poet, playwright and critic of the first half of the 18th century. The paper considers this problem in the context of general trends in the reception of the Russian monarch’s image in the early Enlightenment literature (in the works of D. Defoe, R. Steele, M. Stringer and others) and in connection with the imagological content of the “Petrine text” in English literature. We study the stable motifs and themes of the poem from the functional point of view together with the elements of imagery that contribute to the creation of Peter the Great image as an enlightened monarch, military leader and civilizer of the “barbaric” Russia and a defender of the Christian world. The paper also considers the artistic means of Peter I’s image deification (the poem’s allusive plane, historical parallels, etc.). The positive reception of the czar’s image in “The Northern Star”, and in English literature of the first decades of the 18th century in general, affected the hetero-image of Russia valorization and inclusion of new imagemes in its structure, in particular those associated with the country’s messianic role. On the other hand, the reception of Peter I was concerned with myth-making, which resulted in the emergence of a reduced and schematic image of the monarch and a simplified conception of Russian history.

Keywords: Aaron Hill, “The Northern Star”, Peter the Great, imagological representation, stereotype, hetero-image, myth

В статье рассматриваются особенности репрезентации образа Петра I в поэме видного английского поэта, драматурга и критика первой половины XVIII в. Аарона Хилла «Северная звезда» (1718) в контексте общих закономерностей рецепции образа русского монарха в английской литературе и публицистике раннего Просвещения (Д. Дефо, Р. Стил, М. Стрингер и др.), а также в связи с имагологическим содержанием «петровского текста» английской литературы. Выявлены и представлены в функциональном аспекте сквозные темы и мотивы, элементы образной системы поэмы, играющие важную роль в создании образа Петра I как просвещенного монарха, военного деятеля, цивилизатора «варварской» России и защитника христианского мира, средства его деификации (аллюзивный план произведения, исторические параллели). Положительная рецепция образа Петра I в поэме А. Хилла и в целом в английской литературе первых десятилетий XVIII в., как показано в статье, способствовала валоризации гетерообраза России, его обогащению новыми имагемами, в том числе представлениями о мессианской роли страны. С другой стороны, художественная рецепция русского монарха, имевшая мифотворческий характер, приводила к схематизации образа Петра I и распространению упрощенных представлений о российской истории.

Ключевые слова: Аарон Хилл, «Северная звезда», Петр I, имагологическая репрезентация, стереотип, гетерообраз, миф

Для цитирования: Поляков О. Поэма А. Хилла «Северная звезда» и развитие петровского мифа в английской литературе первой четверти XVIII века // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 205–211. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-205-211

В XVIII столетии в интеллектуальной жизни Европы складывается понятие «цивилизованного мира», которое «пришло на смену „христианскому миру“ в качестве маркера европейской

идентичности» [1, с. 55] и которое определяло самоидентификацию Запада по отношению к национальным «другим», находившимся либо в состоянии варварства, либо на стадии перехода от варварства к цивилизации. Этот имагологический миф относился, безусловно, и к России, которую причисляли ко второй группе стран. Ее рецепция в Европе, стабильно негативная или условно нейтральная, приобрела черты неустойчивости, лиминальности в период правления Петра I, чей образ стал, по справедливому утверждению В. П. Трыкова, ядром просветительского мифа о северном соседе просвещенных европейцев [1, с. 55].

Концепция петровского мифа, общая для западноевропейского литературного сознания, была сформулирована в отклике на смерть российского императора, «Похвальном слове Петру Великому» (1725) Б. Фонтенеля, описавшего «процесс развития, в котором сама Россия была для царя чистым холстом, нулевой отметкой цивилизации» [2, с. 306]. Еще раньше, в «Похвальном слове Лейбницу» (1716), Фонтенель отмечал «величайший и благороднейший» замысел русского государя «вытащить свои народы из варварства и ввести их в среду науки и искусства» [3]. Сочинения Фонтенеля были хорошо известны в Англии, как и переведенные на английский язык «Записки о Московии» французского дипломата Ф. де ла Невилля (1698), в которых дана неоднозначная характеристика Петра, основанная отчасти на легендах и слухах, при этом указано, что его незаурядный ум «дает великую надежду на славное царствование» [4, с. 16].

Выделенные тенденции оказывали определенное влияние на восприятие образа русского монарха в Англии либо обнаруживали типологические сходства с «петровским текстом» английской раннепросветительской литературы, включающим сочинения Д. Дефо и Р. Стила, М. Стрингера и А. Хилла, Т. Тикелла, которые в российском литературоведении изучались в трудах М. П. Алексева [5], Н. П. Михальской [6], Д. М. Урнова [7], Н. А. Соловьевой [8], создавших панорамную картину русско-английских литературных связей эпохи. При этом произведения английских писателей о Петре I изучены с разной степенью полноты, а поэтическая рецепция его образа представлена лишь в самых общих чертах, в связи с чем исследование поэмы А. Хилла «Северная звезда» в контексте становления и развития петровского мифа в английской словесности представляется актуальным.

В формировании петровского мифа в Англии значительную роль сыграли периодические издания, в частности влиятельный «Спектейтор», в

одном из эссе которого, написанном Р. Стилом (1709), Петр I был противопоставлен Людовику XIV: в отличие от французского короля, одержимого «пустым тщеславием», он выбрал путь к «истинной славе и чести», преобразуя основы русской жизни, и залог этой славы – в его «личном труде, личном знании, личной доблести» [9, с. 47–49].

Более противоречивым было отношение к Петру и России Даниэля Дефо [10, с. 52–57]. В сатире «Чистокровный англичанин» (1701) он бичевал «глупое невежество» москвитов, а в «Обозрении» (1703) называл их «истинными дьяволами», с невиданной жестокостью относящимися к врагам. Петр I в его представлении был тираном и «мясником», поощрявшим зверства своих подданных в отношении жителей Финляндии и Ливонии. Однако в дальнейшем Дефо скорректировал свои оценки русского монарха: в его «Беспристрастной истории жизни и деяний Петра Алексеевича» (1723) высоко оценивается деятельность царя-реформатора, которая привела к прогрессу России, успехам, обусловленным не расширением ее территорий, а экономическими реформами, изменениями нравов, уклада жизни русского народа.

Общеввропейскую известность приобрело сочинение капитана Джона Перри, в течение четырнадцати лет состоявшего на службе у Петра I, «Состояние России при нынешнем царе» (1716), примечательное детальным фактографическим описанием реформ Петра, которые оцениваются исключительно комплиментарно. Кроме того, как утверждает Э. Кросс, именно Перри способствовал закреплению в массовом сознании Англии образа Петра как царя-труженика [Там же, с. 47].

Как видно, формирование петровского мифа в Англии в первые десятилетия XVIII в. определялось прежде всего историко-биографическими и публицистическими источниками, но при этом нельзя не отметить и важнейшую роль поэтических сочинений, пусть не таких многочисленных, в которых репрезентация образа Петра I определяется цивилизаторским дискурсом, акцентированием «петровского мессианства». Начало поэтической рецепции Петра I было положено стихотворным посланием Мозеса Стрингера «Поздравительная поэма великому и могущественному царю Московии по случаю его прибытия в Англию» (1698), в котором прославляются «великие замыслы» и «великая душа» Петра, но больше всего приветствуется его «сверкающая сабля, занесенная над горделивой Азией», «the conquering steel», «the shining steel», которая защитит христианский мир, укрепит его опоры

(цит. по: [11, с. 459]). Второй смысловой центр стихотворения Стрингера – уподобление русского монарха мифологическим и историческим персонажам Античности: он сравнивается с Фебом, покровителем света, а его путешествие по Европе вызывает у поэта ассоциации с движением солнца, освещающего Землю, по своему небесному маршруту; вторая параллель возникает с образом Цезаря:

«May Roman Conquests be out done by Thee
And CZAR to more than CAESAR then extended
Be» [Там же, с. 460].

Данная топка присутствует и в поэме «Северная звезда» (1718) видного поэта и драматурга, эссеиста и теоретика сценического искусства первой половины XVIII в. Аарона Хилла (1685–1750), находившегося в тени Г. Филдинга и Д. Гаррика и при этом, по мысли С. Блейда, гораздо ярче и полнее многих отразившего свой век, более тесно связанного с историко-культурным контекстом эпохи [12, с. 216].

Поэма состоит из 37 строф переменного объема, написанных пентаметром, с системой последовательных рифм; ее ритмо-тонический строй акцентирует торжественный, панегирический характер произведения и в то же время организует плавное движение поэтической речи А. Хилла, задавшегося целью восславить деяния Петра I. Классицистическая упорядоченность версификации контрастирует с достаточно разрозненным содержанием поэмы, ее свободным хронотопом – переходами от земного плана к небесному, сменой пространственно-временных координат, чередованием фрагментов, организованных по проблемно-тематическому принципу, ретардациями, которые вызваны авторскими комментариями, рассуждениями и аллюзивными отступлениями. «Рапсодический» характер «Северной звезды» также обусловлен жанровыми стратегиями А. Хилла, который включил в свой «пеан», обожествлявший русского царя, элементы дидактической поэмы, памфлета и отчасти поэмы-«экскурсии», изображающей путешествие поэта по земным и космическим пространствам (ее истоки восходят к поэме Р. Блэкмора «Творение», 1713).

Несмотря на некоторую аморфность композиции, поэма А. Хилла все же обладает цельностью, единством, обусловленными прежде всего тем, что ее автор разрабатывает сквозные мотивы и темы – созидания, просвещения, свободы, постоянно обращается к цивилизаторской миссии Петра I, образам света и огня, небесных тел и атрибутам божественного, которые ассоцииру-

ются с образом русского монарха, а также вводит образ музы, который выполняет важные идейные и композиционные функции: фиксирует движение авторского сознания, экспонирует небесный план поэмы, создавая широкую зрительную перспективу, а также обеспечивает содержательную связь частей произведения.

Образ Петра I раскрывается в поэме постепенно. В экспозиции, выдержанной в сатирическом и этико-дидактическом ключе, поэт дает наставления музы, призывая ее не расточать похвалы недостойным, бичевать самодовольных подлецов, кичащихся своими богатствами и забывающих о бедствиях ближних, предупреждать государственных мужей о возмездии за пороки и злоупотребление властью. Музе предписано воспарить над грешным миром, «*where shrinking Courage stoops*», «*where hard-pressed Truth the Dang'rous Contest flies*», «*where ill-judg'd Worth, by Power, and Wealth is weigh'd / And servile Poets make their Art a Trade*» [13, с. 1], и обратить внимание на высшее достоинство человека – добродетель, имеющую внесловный характер (поэт как будто вторит сентенции А. Поупа из поэмы «Опыт о человеке»: «Все счастье в добродетели одной» [14, с. 185]). По мысли А. Хилла, наибольшую пользу поэзия может принести, представив правдивые образы монархической власти, поскольку лучшие из sovereignов направляют человечество («*unfix'd Mankind*») по пути прогресса, а «*близорукие правители приводят целые народы к слепоте*» [13, с. 3]. Образцом первых Хиллу видится Петр I, ярчайшая «северная звезда», настолько затмившая других европейских монархов, что автор вынужден снова и снова оправдывать свое панегирическое обращение к ней, в том числе основываясь на принципе просветительского космополитизма:

«Perish that narrow Pride, to Custom grown,
That makes Men *blind* to Merits, not their *own*;
BRITON, and RUSSIAN, differ but in *Name*,
In Nature's Sense, all Nations are the same» [Там же, с. 5]

В дальнейшем, прославляя военные победы Петра, Хилл осуждает тех английских поэтов, которые замыкаются в островном национальном бытии, в то время как он мыслит себя гражданином мира («*The World's my Country*» [Там же, с. 13]), могущим быть объективным даже по отношению к геополитическому сопернику: «*The Just <...> love ev'n the hostile Virtues of a Foe*» [Там же].

Таким образом, очевидна амбивалентность восприятия образа Петра и репрезентируемого им гетерообраза России: апологетическая имаго-

логическая рецепция соединяется в поэме с признанием растущих опасений англичан и даже враждебности по отношению к России. Прежде мыслившаяся как экзотический, варварский «чужой», «страна Петра», вставшая на путь исторического прогресса и военной экспансии, отныне оценивается как опасный «другой».

Образ Петра I выстраивается в «Северной звезде» вокруг трех смысловых центров, трех ипостасей русского монарха: реформатора-просветителя, завоевателя и защитника христианского мира, – центров подвижных, пересекающихся, взаимосвязанных. Их средоточием становится интродукция героя поэмы:

«Northward, unbridled Muse, direct thy Flight,
Where a *new Sun* inflames the *Land of Night*:
Where Arts, and Arms a rising Empire found,
Doom'd to refine the World, and gird it round.
Thou, mighty CZAR, in that *contracted Name*,
Shalt outreach CAESAR, in thy Power and Fame!»
[Там же, с. 4].

В этих строках А. Хилл метафорически уподобляет Петра I солнцу, воспламеняющему «страну ночи», сравнивает его с Цезарем, выделяя созвучие слов «*Czar*» и «*Caesar*», а также говорит о гармоничном соединении в русском царстве изящных искусств и военного искусства (фонографическая близость «*arts*» и «*arms*», далее в поэме они соотносятся как «*the Martial Laurel and the Peaceful Bays*» [Там же, с. 8]). Поэт подчеркивает глобальный, планетарный характер деятельности Петра, Богом призванного к спасению и возвышению мира («*doom'd to refine the World*»).

По сути, образ Петра I подвергается деификации, наделяется атрибутами божественного, в частности творящей способностью Бога (*Russia*, «*led by thy forming Hand, / And almost new created by thy skill*», *the czar* «*moulded Order, with his formful Hand*» [Там же, с. 4, 7]), его вездесущности («*thy reaching Hand*» [Там же, с. 12]) и милосердия, благодати («*rewards Subjection with Returns of bliss*» [Там же, с. 9]).

Обожествление Петра I осуществляется также через обращение к Ветхому Завету, соотнесение образа героя с Моисеем: народы России сравниваются с народом Израиля, ведомым библейским героем и наблюдающим знак божественной воли – облачный столп, указывающий на покровительство Господа, его защиту. Тема защиты и защищенности пронизывает и сочинение А. Хилла, который повсеместно подчеркивает заботу Петра о подданных. Деификация героя приводит автора «Северной звезды» к мысли о собственном призвании быть боговдохновенным

поэтом, который должен воспарить, подняться до высот петровского гения, «*where Eagles fly*», чтобы увидеть и поэтически представить истинный масштаб его личности. Образы небес, светил ассоциирующиеся в поэме с образом Петра I, призваны акцентировать его трансцендентный характер.

Одним из структурообразующих приемов поэмы и средств создания образа Петра I служит антитеза, контраст прошлого и настоящего, дня и ночи, света и мрака, варварства и цивилизации:

«Ages, obscurely pass'd, unmark'd by Fame,
Had almost robb'd this Empire of its Name; <...>
And RUSSIA took up Half the World, in vain,
Weakly inspir'd, the Mass mov'd slowly on,
Like struggling Nature, e'er Creation shone!» [Там же, с. 6].

С позиций цивилизаторского дискурса А. Хилл утверждает идею о «напрасном», «варварском» существовании России до Петра, подчеркивает мессианскую функцию русского царя, которую тот осуществлял с присущей ему энергичностью, «*prolific vigour*»: поэт уподобляет его деятельность бурному потоку, работе могучего механизма («*How vast the Engine! And the Force how great!*» [Там же, с. 9]) и, развивая индустриальную образность, метафорически ассоциирует преобразования Петра I с горнопроходческими работами, разрушением монолитной породы, которое выводит Россию из тьмы средневековья к свету цивилизации и увенчивается созданием величественной, «страшной» империи, «*which, late, no Hope, and, now, no Danger knows*» («*прежде не питавшая надежд, теперь она не ведает страха*») [Там же, с. 7].

Другая антитеза, формирующая образ России, выстраивается вокруг имагологического стереотипа о вечном морозе, бесконечной русской зиме, холоде, сковавшем страну, метафорически соотносимом с ее цивилизационным «оцепенением», конец которому положил пассионарный русский монарх: «*Warm'd by the Monarch's Worth, we rising saw / A Spring of Virtue and a Bloom of Law*» [Там же, с. 10]. Хилл, таким образом, преодолевает традиционное стереотипное восприятие России как холодной и бесплодной страны, причем пейоративная направленность имагообраза также нивелируется сопоставлением России с Нилом: в то время как великая река оплодотворяет Африканский континент, северный сосед Европы может согреть своим теплом («*inbred Heat*») весь мир. В итоге возникает контробраз, в котором преобладает неожиданная для западного дискурса о России семантика тепла, света, знаки мессианства страны, что становится

сквозной темой поэмы «Северная звезда», находя отражение в исторических параллелях: А. Хилл сетует о крушении великой Римской цивилизации, уничтожении ее культуры, «*Tracts of Learning*», которое произвели варвары («*gothic swarms*») и которое более тысячелетия спустя по воле Бога должны искупить также «варвары», просвещаемые Петром Великим. Хилл уравнивает русского царя с великими государственными деятелями Античности, мифологическими и историческими персонажами: подобно Тесею, он выступает объединителем страны, он наделен мудростью Ликурга, прозорливостью Ромула, полон планов и идей («*Divinely stor'd with Views, and rich in Schemes*» [Там же, с. 9]), реализовав которые, он сможет создать цивилизацию, намного превосходящую античные модели.

В поэме пересмотрен целый ряд стереотипов о России, в том числе представление о «русском рабстве», о котором много писали современники А. Хилла. Возможно, аргументация автора «Северной звезды» была направлена против высказываний Д. Дефо в журнале «Ревью» (1709), отказывавшего Петру в праве считаться героем своей эпохи, поскольку он не прекратил практику деспотического правления своих предков и оставил своих подданных «жалкими рабами». Напротив, полагает Хилл, забота Петра, его государственный гений делают народ России свободным («*Those Subjects the most glorious Freedom share / Whom we call Slaves, in such a Sov'reign's Care*» [Там же, с. 11]), в то время как в странах, кичащихся традициями парламентаризма, демократии, в результате интриг и манипуляций общественным мнением к власти приходят настоящие тираны, а граждане, «*свободно выбравшие их*», становятся подлинными рабами и вынуждены «*влачить новые оковы*». В то же время «щедрым рукам» Петра доверяют свою судьбу народы, по гиперболическому выражению Хилла, «*бесчисленные, как пески Ливийской пустыни*», – все они стремятся к просвещению:

«The shaggy Samoid, shaking off his Snow,
Warms his cold Breast, with his Desire to know;
The rugged Tartars <...>
Charm'd by thy Virtues, bow before thy Throne,
Assume new Natures <...>
New Beams of Learning, active, as the Wind,
Now first flame out, and then light up half Mankind»
[Там же, с. 12].

Рассуждения о цивилизаторской миссии Петра дополняются в поэме панорамной картиной завоеваний «северного медведя», в том числе на Востоке (в частности, вводится эротический образ Каспианы как побежденной любовницы рус-

ского царя, которая «*has her love confess'd, / And given him leave to wander o'er her Breast*» [Там же, с. 12]). Победы Петра, пророчествует Хилл, распространятся на Турцию и Китай, и, кроме того, он свяжет континенты, проложив путь через Арктику. В этой части поэмы актуализируется традиционная оппозиция «запад/восток», причем акцент делается на ипостаси русского царя как заступника христианского мира, который положит конец господству Османской империи: «*крест триумфально возвысится над полумесяцем*», и Греция обретет свободу. По наблюдению Д. Брюстер, строки, предвещающие освобождение от турецкого гнета, вызывают ассоциации с последним хором лирической драмы П. Б. Шелли «Эллада» (1822) [15, с. 201]:

«Greece <...> hails her Caesar, on the Russian Throne!
Athens again shall teach; Corinth aspire
And Theban Breasts glow, with rekindling Fire;
Once more Byzantium, destin'd long to shine,
Shall rear the ruin'd Name of Constantine» [13, с.17].

Таким образом, Россия в лице Петра I объявляется наследницей Византии, а поэтическое пророчество о восстановлении культурно-исторических эпох прошлого эксплицитно выражает циклическую концепцию истории А. Хилла.

Заключительные строфы поэмы образуют композиционную раму: в них поэт обращается к лейтмотивным образам, темам и мотивам произведения, обозначенным в его начале, осуждает общественные пороки, говорит о Петре I как об идеальном монархе, чья цивилизаторская миссия предопределена Богом, и вновь обращается к музе, на этот раз с призывом спуститься с «петровских небес», поскольку сияние «Северной звезды» («*the Torrid Brightness of the burning Line*», «*beamy Force*», «*the oppressive Blaze*» [Там же, с. 20–21]) нестерпимо для его глаз.

Хилл пророчествует о славе Петра I в веках, используя архитектурную метафору («*at once the Columns rise, / Which lift thy dreadful Fabrick to the Skies*») и гиперболу («*Thy Soul... Makes Nature shake*») [Там же, с. 22]), и завершает произведение космогонической строфой, которая, как не без иронии заметила Д. Брюстер, представляет собой «скромное сравнение неожиданного и бурного наступления славы царя с возникновением порядка из хаоса по воле Всевышнего» [15, с. 202]. Думается, этот фрагмент поэмы, не имеющий прямой связи с ее содержанием, выполняет обрамляющую функцию и должен быть истолкован не в связи с непосредственным кон-

текстом предшествующей строфы, а в соотношении со всем текстом произведения, и как таковой он усиливает ее возвышенную тональность, вновь соотносит образ Петра I с атрибутами божественного, уподобляя его деятельность творческой способности Бога, акцентирует его причастность к Вечности.

Поэма А. Хилла выдержала пять переизданий с 1718 по 1739 гг., была переведена на латинский язык и отмечена Золотой медалью Петра I. По словам А. Поупа, именно Хиллу русский царь «Peter Alexiowitz» был обязан своей славой в Англии [10, с. 52]. Более того, популярность «Северной звезды» способствовала утверждению «петровского мифа» в Англии, а его апологетическая направленность и семантическая структура были многократно воспроизведены в английской литературе и публицистике последующих десятилетий (особенно ярко – в поэме «Времена года» Д. Томсона). Английские просветители продолжали рассматривать образ Петра в контексте своих представлений о «цивилизованном мире» и создавать, практически по Барту [16, с. 46–54], образ-миф, «редуктивный, упрощенный образ, выносящий за скобки сложность и противоречивость явления, которое подвергается мифологизации» [17, с. 16], образ, соответствующий имагологической картине мира Запада.

Список источников

1. Трыков В. П. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции. М.: Директ-Медиа, 2021. 528 с.
2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
3. Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. URL: <https://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-2.html> (дата обращения: 16.10.2025).
4. *Neuville F.* An Account of Muscovy, as it was in the Year 1689 / Ed. and introd. by Lindsey Hughes. School of Slavonic and East European Studies. University of London, 1994. 78 p.
5. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982. 863 с.
6. Урнов Д. М. Дефо. М.: Молодая гвардия, 1990. 255 с.
7. Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. Самара: ООО «Порто-принт», 2012. 224 с.
8. Соловьева Н. А. Петр I в английской литературе XVIII в. // Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль»: Материалы и исследования. Вып. XIII: Петр Великий – реформатор России. М., 2001. С. 101–108.

9. *Spectator.* Ed. D. F. Bond. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 1965. 600 p.
10. *Cross A.* Peter the Great Through British Eyes. Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 172 p.
11. *Loewenson L.* People Peter the Great met in England. Moses Stringer, Chymist and Physician // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 37. No 89 (Jun., 1959). P. 459–468.
12. *Blaydes S. B.* Aaron Hill // *Dictionary of Literary Biography.* Vol. 84. Detroit: Gale Group, 1989. P. 200–218.
13. *Hill A.* The Northern Star. 3d ed. London: W. Mears, 1725. 23 p.
14. Поуп А. Поэмы. М.: Художественная литература, 1988. 240 с.
15. *Brewster D.* Aaron Hill: Poet, Dramatist, Projector. N.Y.: Columbia University Press, 1913. 300 p.
16. Барт П. Избранные работы: Семиотика; Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
17. Трыков В. П. Подходы к изучению образа «Другого». Имагология и имагопоэтика. Национальный миф и художественный образ «Другого» // В. П. Трыков. Россия в литературе Франции. М.: МПГУ, 2019. С. 7–20.

References

1. Trykov, V. P. (2021). *Russkaya neznakomka vo frantsuzskoi "respublike slovesnosti": Obraz Rossii v literaturnom soznanii Frantsii: monografiya* [A Russian Female Stranger in the French "Republic of Letters": The Image of Russia in the Literary Consciousness of France]. V. P. Trykov, A. R. Oshchepkov. 528 p. Moscow, Direkt-Media. (In Russian)
2. Vul'f, L. (2003). *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosvesheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment]. 560 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
3. Mezin, S. A. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A View from Europe: 18th-Century French Authors on Peter I]. URL: <https://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-2.html> (accessed: 16.10.2025). (In Russian)
4. *Neuville, F.* *An Account of Muscovy, as It Was in the Year 1689.* Ed. and introd. by Lindsey Hughes. School of Slavonic and East European Studies. 78 p. University of London. (In English)
5. Alekseev, M. P. (1982). *Russko-angliiskie literaturnye svyazi (XVIII vek – pervaya polovina XIX veka)* [Russian-English Literary Relations (the 18th century – the first half of the 19th century)]. 863 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
6. Urnov, D. M. (1990). *Defo* [Defo]. 255 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
7. *Mikhal'skaya, N. P.* (2012). *Rossiya i Angliya: problemy imagologii* [Russia and England: The Problems of Imagology]. 224 p. Samara, ООО "Porto-print". (In Russian)
8. Solov'eva, N. A. (2001). *Petr I v angliiskoi literature XVIII v.* [Peter I in English Literature of the 18th

Century]. Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi zapovednik "Moskovskii Kreml'": Materialy i issledovaniya. Vyp. 8: Petr Velikii – reformator Rossii. Pp. 101–108. Moscow. (In Russian)

9. *Spectator* (1965). Ed. D. F. Bond. Vol. 2. 600 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)

10. Cross, A. (2000). *Peter the Great through British Eyes. Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. 172 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)

11. Loewenson, L. (1959). *People Peter the Great Met in England. Moses Stringer, Chymist and Physician*. The Slavonic and East European Review. Vol. 37. No. 89, pp. 459–468. (In English)

12. Blaydes, S. B. (1989). *Aaron Hill // Dictionary of Literary Biography*. Vol. 84, pp. 200–218. Detroit, Gale Group. (In English)

13. Hill, A. (1725). *The Northern Star*. 3rd ed. 23 p. London, W. Mears. (In English)

14. Pope, A. (1988). *Poemy* [Poems]. 240 p. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian)

15. Brewster, D. (1913). *Aaron Hill: Poet, Dramatist, Projector*. 300 p. N.Y., Columbia University Press. (In English)

16. Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika; Poetika* [Selected Works: Semiotics; Poetics]. 616 p. Moscow, Progress. (In Russian)

17. Trykov, V. P. (2019). *Podkhody k izucheniyu obraza "Drugogo". Imagologiya i imagopoetika. Natsional'nyi mif i khudozhestvennyi obraz "Drugogo"* [Approaches to the Study of the Image of the Other. Imagology and Imagopoetics. National Myth and the Artistic Image of the Other] // V. P. Trykov. *Rossiia v literature Frantsii*. Moscow, MPGU, pp. 7–20. (In Russian)

The article was submitted on 16.10.2025

Поступила в редакцию 16.10.2025

Поляков Олег Юрьевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakoov@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakoov@yandex.ru